

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Б.В. КОРНЕЙЧУК,

доктор экономических наук, профессор департамента экономики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербургский филиал), г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

Идея «колеи развития» (*Path Dependence*) играет заметную роль в российских экономических работах институционального направления и в качестве элемента массового сознания обретает также идеологический подтекст, символизируя традиционный глубокий раскол на западников и славянофилов (никонианцев и староверов и др.) в обществе и предопределенность хода истории по некоему «особому пути». Показано, что абсолютизации инерционного эффекта «колеи» в ущерб инновационным факторам имеет шесть основных причин: 1) традиции тоталитарного общества укрепили в сознании людей убеждение в неспособности отдельного человека влиять на ход истории; 2) укorenившаяся философия исторического материализма несовместима с трактовкой человека как самостоятельного фактора развития; 3) механистический характер теории «мейнстрима» нашел множество сторонников среди российских экономистов, поскольку он согласуется с логикой исторического материализма и его жесткой причинно-следственной связью между развитием техники и «надстройки»; 4) тезис о неисправимой исторической ошибке часто используется для исторического обоснования детерминизма «колеи»; 5) консервативная волна в российской истории длится более пятнадцати лет и является в первую очередь реакцией общества на радикальные перемены 1990-х гг.; 6) творчество как общественное явление до сих пор не интегрировано в экономическую теорию в силу того, что не подлежит строгой формализации. Предложена концепция «эффекта новатора», которая противостоит детерминистской трактовке QWERTY-эффекта и отражает центральную роль творческого индивида в развитии институтов постиндустриального общества. Показано, что методологические принципы экономизма и формализма, характерные для многих работ в области «колеи развития», не позволяют исследовать инновационные факторы развития институтов. Эффект новатора определен как воздействие творческого человека на изменение институтов, основанное на осознании им личной моральной ответственности за развитие общества. Концепция «эффекта новатора» поможет восстановить баланс инерционных и инновационных факторов в теории развития, преодолеть доминирование консервативной трактовки идеи «колеи» и ее негативное влияние на экономическое развитие.

Ключевые слова: колея развития; QWERTY; инновации; постиндустриальное общество; институты; Россия; экономический детерминизм

PATH DEPENDENCE IN CONTEXT OF EVOLUTIONARY THEORY OF ECONOMIC CHANGE

BORIS V. KORNEYCHUK,

Doctor of Economics (DSc), Professor of Department of Economics
of the National Research University Higher School of Economics
(St. Petersburg branch), Saint Petersburg, Russia,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

The dominance of Path Dependency theory in Russian social science and publicist writings results in the underestimation of the innovative role of individual creativity and has a hampering effect on the development of society. The above-named theory is based on the QWERTY-effect of wrong technological choice – the idea which was extended by its creator Paul David to apply to the evolution of institutions. In Russia such an approach has been adopted by authors who consider the «Russian Path» as an indication of the unbridgeable civilizational schism between East and West and define the former as the domination of the state coupled with deprivation of individuals' rights. The «Path» theory is used by some politicians in order to provide a scientific rationale for the conservative ideology under which the notion of the «Russian Path» includes defensive mindset, territorial sacredness, religion as spiritualization of the state, the state as protector of the faith, a sense of a distinct way and a unique mission in the world, and cautious attitude towards West. The author proposes the concept of the «innovator effect» which reflects the fundamental role that creative personality has come to play in innovation-driven development of institutions in the post-industrial society. What is crucial here is the individual's moral responsibility for the destiny of the society. Thus, the «innovator effect» concept can help re-establish the balance between inertial and innovative factors of development; show the role of free human beings as a source of progress and decrease the level of civic apathy prevalent in the society.

Keywords: Path Dependence; QWERTY; innovation; post-industrial society; institutes; Russia; economic determinism

JEL classifications: A14, B25, B52, D64

Теория «колеи развития» и ее критика

Теория «колеи развития» (Path Dependence), обобщающая эффект неэффективного технологического выбора (QWERTY-эффект) на процесс развития институтов (David, 1985), к середине 1990-х гг. стала ключевой концепцией в научных спорах об эволюции институтов. Ее детерминизм был частично преодолен после появления теории «созидания колеи» (Path Creation) Р. Гаруда и П. Карне. В ней экономические субъекты рассматриваются не только как наблюдатели событий, но и как агенты, способные к познанию и рефлексивным действиям, нарушающим сложившиеся социальные нормы, и в результате их взаимодействий и коллективных усилий колея постоянно изменяется (Garud and Karnoe, 2001). Идею «созидания колеи» развили К. Крауч и Г. Фаррелл, которые в стремлении объединить экономический и социологический подходы для объяснения человеческого поведения исследовали процесс корректировки «колеи» акторами в результате их реакции на изменение внешних условий, но при этом, однако, не учитывали их реверсивное влияние на окружающую среду (Crouch and Farrell, 2004).

В последние годы тенденция преодоления детерминизма проявилась в работах, исследующих процессы создания «колеи» на уровне индивида: М. Руденбек описывает психологический и когнитивный аспекты деятельности индивида при создании «колеи», используя понятие «индивидуальная колея развития» (Roedenbeck, 2011). В подробном обзоре современного состояния теории «колеи» Л. Добуш и Д. Капеллер указывают на множество нерешенных проблем: отсутствие единой методологии, нечеткость эпистемологической природы и аксиоматической структуры, некорректное использование научного термина «колея развития» для метафорического описания влияния случайных событий на изменение институтов (Dobusch and Kapeller, 2013).

Современные трактовки «колеи развития» обычно основаны на двух методологических принципах «мейнстрима», которые не позволяют применять эти концепции в институциональных исследованиях. В-первых, следуя принципу *экономизма*, авторы сводят эффект колеи к оценке экономической эффективности, в то время как в институциональном аспекте интерес представляет изменение *общественных условий*, приводящих к эффективности, и, прежде всего, создание благоприятной среды для новаторства. Во-вторых, следуя принципу *формализма*, авторы стремятся описывать эволюцию институтов математическими средствами в виде эргодических и неэргодических процессов. Данный механистичный подход, который реализован в работе Лейбовица и Маргулиса (Liebowitz, 1995), не оставляет места для исследования роли новаторов в развитии институтов. Однако Т. Веблен определял эволюцию общества как процесс адаптации, происходящий «под давлением обстоятельств *в умах отдельных людей*» (курсив мой – Б.К.), уже больше не терпящих привычного образа мыслей» (Веблен, 2015. С. 203). В большей степени отвечает целям институциональных исследований подход В. Вольчика, который делает акцент на роли конкурентных начал общественного развития, отвергая возможность использования централизованного механизма принятия решений для исправления ошибки «колеи», и рассматривает человеческое поведение в контексте методологического субъективизма и неопределенности (Вольчик, 2003).

Детерминистская трактовка «колеи развития»

Теория «колеи» подвергается критике за схематизм и детерминизм. Д. Норт не допускает существования единой модели для объяснения технологических и институциональных изменений, подчеркивая роль идеологии. Детерминистский взгляд ошибочен, поскольку субъективные решения политиков оказывают на экономику критически важное влияние, а субъекты способны по-разному влиять на институциональные изменения из-за различия позиций (Норт, 1997. С. 133). Д. Ходжсон в стремлении избежать крайностей, – волюнтаристского индивидуализма и структурного детерминизма, – предлагает синтетический подход, учитывающий спонтанность личного фактора и социальную структуру: «Давать приоритет одному фактору над другим – чистый произвол; заявление “все сводится к индивидам,» столь же содержательно, как и “все социально или институционально,»» (Ходжсон, 2003. С. 109). Он утверждает, что действия людей могут носить рутинный характер, но в них также проявляются полет воображения и эксцентричность, недоступные рациональному предвидению, и именно поэтому будущее остается неопределенным.

Детерминистская трактовка теории «колеи» наиболее явно демонстрирует свою теоретическую слабость в контексте эволюционной теории экономических изменений. Поскольку эволюция есть непредсказуемый процесс движения ощупью с его многообразием форм и неопределенностью, он предполагает постоянное экспериментирование, а обратная связь от экспериментов и формирует вектор эволюции институтов. Поскольку новаторы, или носители «рутин поиска» все в большей степени определяют направление общественного развития, создается «основа для аргументов в пользу разнообразия и плюрализма» (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 498). Процесс поис-

ка новых институциональных форм авторы считают аналогом мутации в биологической эволюционной теории, при этом субъектами общественных мутаций выступает творческая личность новатора.

Абсолютизация инерционного эффекта «колеи» в ущерб инновационным факторам имеет шесть основных причин:

1. *Традиции тоталитарного общества* укрепили в сознании людей убеждение в неспособности отдельного человека влиять на ход истории. По мнению Н. Кареева, оно нашло отражение в исторической философии Л. Толстого, который возводил рутину и стихийное течение истории в ранг закона, а человека рассматривал как исполнителя предписанных ему функций, или «ярлыка событий». Отсюда отрицательное отношение писателя к общественной деятельности (Кареев, 1914. С. 45).

2. *Философия исторического материализма* несовместима с трактовкой человека как самостоятельного фактора развития, человек здесь второстепенен и способен изменить лишь «индивидуальную физиономию», но не общее направление истории. По мнению Г. Плеханова, великий человек может стать таковым, если у него есть особенности, «делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин» (Плеханов, 2010. С. 365). Общественный лидер оказывается у него карьеристом, который правильно оценил вектор развития и сумел приспособиться к нему. Влияние марксизма проявляется в теории «постэкономического общества» В. Иноземцева, который доказывает родство исторического материализма и теории постиндустриального общества, характеризует их как адекватные и гуманистические концепции истории и находит значительное сходство между новым обществом и коммунизмом. Деятельность общественных организаций он трактует как реакцию на неудовлетворенность своей основной деятельностью работников нетворческого труда, а деятельность таких организаций, по его мнению, «играет далеко не первую роль в процессе становления новых видов человеческой активности» (Иноземцев, 1998. С. 285).

3. *Механистический характер теории «мейнстрима»* нашел множество сторонников среди российских экономистов, поскольку он вполне согласуется с укоренившейся логикой исторического материализма и его жесткой причинно-следственной связью между развитием техники и «надстройкой», и в итоге производственный детерминизм марксизма в ряде отечественных работ был подменен QWERTY-детерминизмом. Так, Р. Нуреев описывает будущее развитие страны в четко обозначенных, исторически предопределенных границах: «Нам надо найти свою – новую! – колею» (Нуреев, 2009. С. 13, 283).

4. Тезис о *неисправимой исторической ошибке* часто используется для исторического обоснования детерминизма «колеи». Многие авторы считают такой ошибкой выбор в XV в. второго варианта в дилемме «Русь Литовская – Русь Московская»: если первое направление обеспечивало становление свободы личности, то второе – неуклонное ее сужение. По мнению Ю. Афанасьева, с той поры, когда страна избрала путь построения православной империи, ее приоритетом стала территориальная экспансия, но не налаживание хозяйственной жизни. И такая его многовековая неизменность, ставшая «гнетущим национальным заданием», определила два базовых компонента русского своеобразия: господство государства и бесправие личности, а из их соединения образовалась «русская колея», она же – несвобода (Афанасьев, 2008). Данная трактовка используется рядом экономистов для обоснования тезиса о неизменности, предопределенности российской «колеи» (Аузан, 2014. С. 14).

5. *Консервативная волна* в российской истории длится более пятнадцати лет и является в первую очередь реакцией общества на радикальные перемены 1990-х гг. По мнению Л. Бызова, общество развивается по законам маятника, а поэтому на следующем этапе истории следует ожидать оживления процессов демократизации и включения граждан в политический процесс для инновационного преодоления «колеи» (Бызов, 2014).

6. *Творчество* как общественное явление до сих пор не интегрировано в экономическую теорию и интерпретируется по-разному. В рамках эволюционной теории условия общественных инноваций связываются напрямую с наличием «селекционной среды». Поскольку инновации создаются свободными творческими личностями, главным условием развития служит укрепление демократических институтов. Схожим образом Е. Ясин и М. Снеговая определяют модернизацию как преодоление «культурного барьера» посредством эволюционного подъема, основанного на энергии и предприимчивости возможно большего числа свободных граждан, побуждаемых развитием более продуктивных технологий и культуры (Ясин, 2009). Иного взгляда на роль творчества в развитии придерживается А. Аузан: трактуя российскую колею как опасную болезнь с призрачной надеждой на излечение, он предлагает в качестве лекарства некие «уравновешивающие ценности, которые помогут компенсировать нашу тотальную креативность» (Аузан, 2014. С. 139).

«Эффект новатора» и его теоретические основы

Мы определяем «эффект новатора» как активное воздействие уникальной личности общественного новатора, или носителя «рутин поиска» на изменение общественных институтов, основанное на осознанной им личной моральной ответственности за развитие общества. Эффект новатора служит определяющим фактором при кардинальном изменении или зарождении общественных институтов и ассоциируется в общественном сознании с конкретной исторической личностью. Так, создание института диссидентства связывают с именем академика А. Сахарова, личность которого служила неким идеальным образом и объектом подражания для первых гражданских активистов в Советском Союзе. Гражданское общество формируется в России в настоящее время, но есть признаки того, что создание этого института будет в исторической перспективе связано с именем Б. Немцова. Институты взаимодействия личности и государства в информационном обществе начали претерпевать существенные изменения в результате деятельности Д. Ассанжа. Соответственно, мы говорим об «эффекте Сахарова», «эффекте Немцова» и «эффекте Ассанжа».

Философские основы «эффекта новатора» созвучны гуманистической идее И. Канта о высшей ценности человеческой личности и теории «творческой эволюции» А. Бергсона, который противопоставляет два типа морали. Статическая мораль рутинна и продиктована безличными социальными приказами, а динамическая основана на нравственных призывах и является общественным прорывом, который совершают несколько выдающихся людей, «каждый из которых образует вид, состоящий из одного-единственного индивида» (Бергсон, 1994. С. 290). Взгляд на человека как творца истории развивался С. Булгаковым, который считал, что для истории не безразлично, «что за личность стоит на том или другом историческом повороте или перекрестке» (Булгаков, 2008. С. 130). Он считал ненаучным стремление марксистов упростить историческую задачу, исключив из нее личность как самостоятельный фактор развития общества и оставив только безличную социальную среду. Прогресс культуры требует определенных деятелей, которые являются инициаторами дальнейших движений, по отношению к каковым остальные играют роль подражателей. *Психологические основы* концепции отражены в работах Э. Фромма, в них противопоставлены две ориентации человека. Непогодворная (рутинная) ориентация сопряжена с неспособностью безликого человека обогащать мир, а плодотворная (творческая) ориентация способна изменять институты, и именно поэтому исход исторических событий «не бывает автоматическим и предписанным» и «решение всегда остается за самим человеком» (Фромм, 2003. С. 349). *Социологические основы* заложены в ряде концепций постиндустриального общества. Как отмечает Э. Гидденс, поиск теоретических схем социальных трансформаций обречен, поскольку «человечество само творит свою „историю,»» (Гидденс, 2003. С. 25). Открытое общество К. Поппера восприимчиво к непредсказуемым

изменениям, в нем индивиды сами определяют ход истории. Он отвергает концепцию развития, основанную на институциональном выборе, поскольку этот механизм применим лишь для сдерживания перемен, а при зарождении новых социальных явлений он направлен на устранение инициативы и необычных качеств людей (Поппер, 1992). «Жидкий» модерн З. Баумана противостоит «твердому» модерну, в нем человек освобождается от унаследованной предопределенности социальной роли. Эпоха нового модерна стала эпохой творческого разрушения: «Мы путешествуем ныне без всякого представления о пункте назначения, на который можно было бы ориентироваться» (Бауман, 2002. С. 141).

Экономические основы эффекта новатора заложены в теории новатора Й. Шумпетера, его предприниматель способен противостоять рутинным элементам хозяйствования, «он – революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции» (Шумпетер, 2007. С. 159). Однако Шумпетер не считал познание сущностным элементом предпринимательства. Этот недостаток теории преодолел Д. Сорос в своей теории рефлексивности, объединив предпринимательскую и познавательную функции. Отвергая механистический дух «мейнстрима», он считает социальные явления гораздо сложнее, чем естественные, поскольку в них вовлечены мнения участников. Социальное явление включает помимо фактов также намерения и ожидания, а поэтому не может быть предсказано. Сорос подразделяет исторические ситуации на предсказуемые (шумы) и непредсказуемые рефлексивные ситуации, которые и меняют ход истории: «значимые для истории процессы отличаются от повседневной жизни мерой присущей им рефлексивности» (Сорос, 2008. С. 52). Эволюционная теория позволяет исследовать рутинные и инновационные факторы развития как равноправные компоненты общественного развития.

Аналогом концепции «эффекта» новатора в работах последних лет служит теория «созидания колеи» Р. Гаруда и П. Карне, которая противостоит детерминизму «колеи развития» и учитывает влияние творчества на развитие общества, однако в ней речь идет не об индивидуальном, а коллективном воздействии (Garud and Karnoe, 2001). В отличие от «созидания колеи», введенный нами термин «эффект новатора» отражает влияние отдельной творческой личности, лидера общественного мнения на изменение институтов, он также включает этический компонент, который выражается в осознании индивидом личной моральной ответственности за развитие общества.

Ответственность и консерватизм как факторы развития

Новаторская позиция человека в отношении изменения общественных институтов приводит к его активным гражданским действиям лишь при наличии у него побудительных мотивов, которые имеют ценностную природу, а поэтому обычно не учитываются в экономических исследованиях.

Однако, на наш взгляд, этический компонент является необходимым условием эффекта новатора и выражается в форме личной исторической ответственности. Так, А. Бергсон подчеркивает, что для совершения институционального прорыва принципиально важно, чтобы люди, олицетворяющие новые нравственные идеалы, сами следовали им в своей повседневной и общественной жизни: «идеал не может становиться обязательным, если он не является уже действующим; и в таком случае обязывает не его идея, а его действие» (Бергсон, 2008. С. 293). Поппер связывает моральную ответственность человека с тем, что улучшение демократии есть задача личностей, а не институтов. Детерминизм «колеи» освобождает человека от этого груза, но как только он осознал голос личной ответственности, а вместе с ним и свою роль в прогрессе открытого общества, то уже не сможет вернуться к закрытому обществу, основанному на бессознательном подчинении «племенной магии» (Поппер, 1992). Бауман объясняет роль ответственности человека в новом обществе его задачей самоопределения, которая не может быть решена институтами, а только превращением его в гражданина (Бауман,

2002). А. Сен пришел к выводу, что отрицание общей ответственности означает непонимание сути общественной жизни и роли человечности как одного из значимых мотивов деятельности (Сен, 2004).

Тенденция к абсолютизации инерционного эффекта колеи в общественном сознании тесно связана с усилением идеологии консерватизма, сторонники которой гипертрофируют фактор коллективизма в ущерб новаторской роли отдельной личности. Как писал Т. Веблен, власть имущие всегда стремятся навязать мнение, что новаторство присуще низам, а «новатор является лицом, связывать себя с которым по крайней мере некрасиво и от социального контакта с которым нужно устраняться. Новаторство – дурной тон» (Веблен, 2015. С. 209). Так, Л. Радзиховский объясняет российскую колею неким «гравитационным притяжением», которое идет из глубины истории, а ее компонентами считает оборонное сознание, сакральность территории («русское пространство»), религию как одушевление государства, государство как охранитель веры, чувство особого пути и своей миссии в мире, настороженность к Западу (Радзиховский, 2014). В. Зорькин видит причину провала реформ последних двух веков в том, что они покушались на «отчетливый коллективизм, дополненный общинно-государственным патернализмом», как фундамент российской колеи развития. Крепостничество он считает «духовной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации», а сталинскую систему с его «жесткой моральной нормативностью» напрямую связывает с достижениями советской эпохи. Поскольку «отчетливый коллективизм» трактуется автором как важнейший фактор развития современной России, он заключает, что привнесенный реформами 1990-х гг. демократический стиль общественной жизни граждане «терпят как данность, но внутренне не воспринимают как справедливый и должный» (Зорькин, 2014). Нуреев и Латов предлагают «лозунги» модернизации в духе философии «особого пути»: «изменяться, не изменяя себе», «быть самобытной евразийской экономической державой» (Нуреев, Латов, 2009). Такие лозунги, по сути, отвергают исторический путь универсализации экономических и политических институтов, который прошли развитые общества.

Чрезмерный акцент на инерционные факторы в теории «колеи развития» придает термину «колея» негативный эмоциональный смысл, создавая образ страны, которую, говоря словами известной песни, «засосала опасная трясина», и поэтому она вынуждена в своем развитии «нажать на тормоза». Концепция эффекта новатора призвана восстановить баланс инерционных и инновационных факторов в теории развития, преодолеть элементы гражданской апатии в общественном сознании. В информационную эпоху, когда отдельная творческая личность способна оказывать быстрое и мощное воздействие на общественное мнение, эффект новатора становится определяющим фактором становления нового общества в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А. (2014). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фарбер.
 Афанасьев Ю.Н. (2008). Мы – не рабы? // *Новая газета*, № 47, 5 декабря.
 Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. М.: Логос.
 Бергсон А. (1994). Два источника морали и религии. СПб.: Канон.
 Булгаков С.Н. (2008). О социальном морализме (Т. Карлейль) / В кн.: Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
 Бызов Л.Г. (2014). Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // *Мир России*, № 4, с. 6–31.
 Веблен Т. (2015). Теория праздного класса. М.: Либроком.

- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // *Terra Economicus*, т. 1, № 3, с. 36–42.
- Вольчик В.В., Зотова Т.А. (2010). Экономическое поведение в контексте эволюционных институтов // *Terra Economicus*, т. 8, № 4, с. 62–67.
- Гидденс Э. (2003). Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Зорькин В. (2014). Суд скорый, правый и равный для всех // *Российская газета*, № 6492, 26 сентября.
- Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества. М.: Academia – Наука.
- Кареев Н.И. (1914). Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Станюкевича.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта.
- Плеханов Г.В. (2010). К вопросу о роли личности в истории / В кн.: Плеханов Г.В. Избранные труды. М.: РОССПЭН.
- Поппер К. (1992). Открытое общество и его враги. М.: Межд. фонд «Культурная инициатива».
- Радзиховский Л. (2014). Место в истории // *Российская газета*, № 6373, 7 мая.
- Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
- Сорос Дж. (2008). Новая парадигма финансовых рынков. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Фромм Э. (2003). Человек для себя. Минск: Харвест.
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело.
- Шумпетер Й.А. (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо.
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В. (2009). Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ.
- Crouch C. and Farrell H. (2004). Breaking the Path of Institutional Development? Alternatives to the New Determinism // *Rationality and Society*, vol. 16, no. 1, pp. 5-43.
- David P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332–337.
- Dobusch L. and Kapeller J. (2013). Breaking New Paths: Theory and Method of Path Dependence Research // *Schmalenbach Business Review*, vol. 65, no. 2, pp. 288–311.
- Garud R. and Karnoe P. (2001). Path Dependence as a Process of Mindful Deviation / In: Garud R. and Karnoe P. (eds.) Path Dependence and Creation. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 1–38.
- Liebowitz S.L. and Margolis S.E. (1995). Path Dependence, Lock-In, and History // *Journal of Law, Economics and Organization*, vol. 11, no. 1, pp. 205–226.
- Roedenbeck M. (2011). Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology // *Journal of Futures Studies*, vol. 15, no. 4, pp. 25–44.

REFERENCES

- Afanashev Y. (2008). Are we Slavers? *Novaya gazeta*, no. 47, December 5.
- Auzan A. (2014). Economics of Everything. How Do Institutes Determine Our Life. Moscow: Mann, Ivanov i Farber Publ. (In Russian.)

- Bauman Z.* (2002). *The Individualized Society*. Moscow: Logos Publ. (In Russian.)
- Bergson H.* (1994). *The Two Sources of Morality and Religion*. St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian.)
- Bulgakov S.* (2008). On the Social Moralism (T. Carlyle) / In: *Bulgakov S.* *Two cities. Study of the Nature of Social Ideals*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Press, pp. 71–94. (In Russian.)
- Byzov L.G.* (2014). New Conservative Majority as Socio-Political Phenomenon. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 6–31. (In Russian.)
- Fromm E.* (2003). *Man for Himself, An Inquiry into the Psychology of Ethics*. Minsk: Kharvest Publ. (In Russian.)
- Giddens A.* (2003). *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ. (In Russian.)
- Hodgson D.* (2003). *Economics and Institutions. A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- Inozemtsev V.* (1998). *The Constitution of Post-Economic State*. Moscow: Academia – Nauka Publ. (In Russian.)
- Kareev N.* (1914). *Essence of Historic Process and the Role of the Individual in History*. St. Petersburg: M. Stanyukevich Press. (In Russian.)
- Nelson R., Winter S.* (2002). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- Nort D.* (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Nachala Publ. (In Russian.)
- Nureev R., Latov U.* (2009). *Russian and Europe: Path Dependency (Institutional Analysis of Economic Development History)*. Kaliningrad: Kant University Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.* (2010). On the Role of the Individual in History. In: *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ, pp. 330-367. (In Russian.)
- Popper K.* (1992). *The Open Society and Its Enemies*. Moscow: Kulturnaya Initsiativa Publ. (In Russian.)
- Radzikhovskiy L.* (2014). The Place in History. *Rossiyskaya gazeta*, no. 6373, May 7. (In Russian.)
- Schumpeter J.A.* (2007). *Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Sen A.* (2004). *Development as Freedom*. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Soros G.* (2008). *The New Paradigm for Financial Markets*. Moscow: Mann, Ivanov i Farber Publ. (In Russian.)
- Veblen T.* (2015). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow: Librokom Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V.* (2003). Economic Failure and Path Dependence. *Terra Economicus*, vol. 1, no. 3, pp. 36–42. (In Russian.)
- Volchik V.V. and Zotova T.A.* (2010). Economic Behaviour in Context of Evolutionary Institutes. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 4, pp. 62–67. (In Russian.)
- Yasin E. and Snegovaya M.* (2009). *Tectonic Shifts in the World Economy: What Can Say Culture Factor*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Zorkin V.* (2014). Trial – Fast, Fair and Equal for Everybody. *Rossiyskaya gazeta*, no. 6492, September 26. (In Russian.)
- Crouch C. and Farrell H.* (2004). Breaking the Path of Institutional Development? Alternatives to the New Determinism. *Rationality and Society*, vol. 16, no. 1, pp. 5–43.
- David P.A.* (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332–337.
- Dobusch L. and Kapeller J.* (2013). Breaking New Paths: Theory and Method of Path Dependence Research. *Schmalenbach Business Review*, vol. 65, no. 2, pp. 288–311.

Garud R. and Karnoe P. (2001). Path Dependence as a Process of Mindful Deviation / In: Garud R. and Karnoe P. (eds.) Path Dependence and Creation. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 1–38.

Liebowitz S.L. and Margolis S.E. (1995). Path Dependence, Lock-In, and History. Journal of Law, Economics and Organization, vol. 11, no. 1, pp. 205–226.

Roedenbeck M. (2011). Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology. Journal of Futures Studies, vol. 15, no. 4, pp. 25–44.